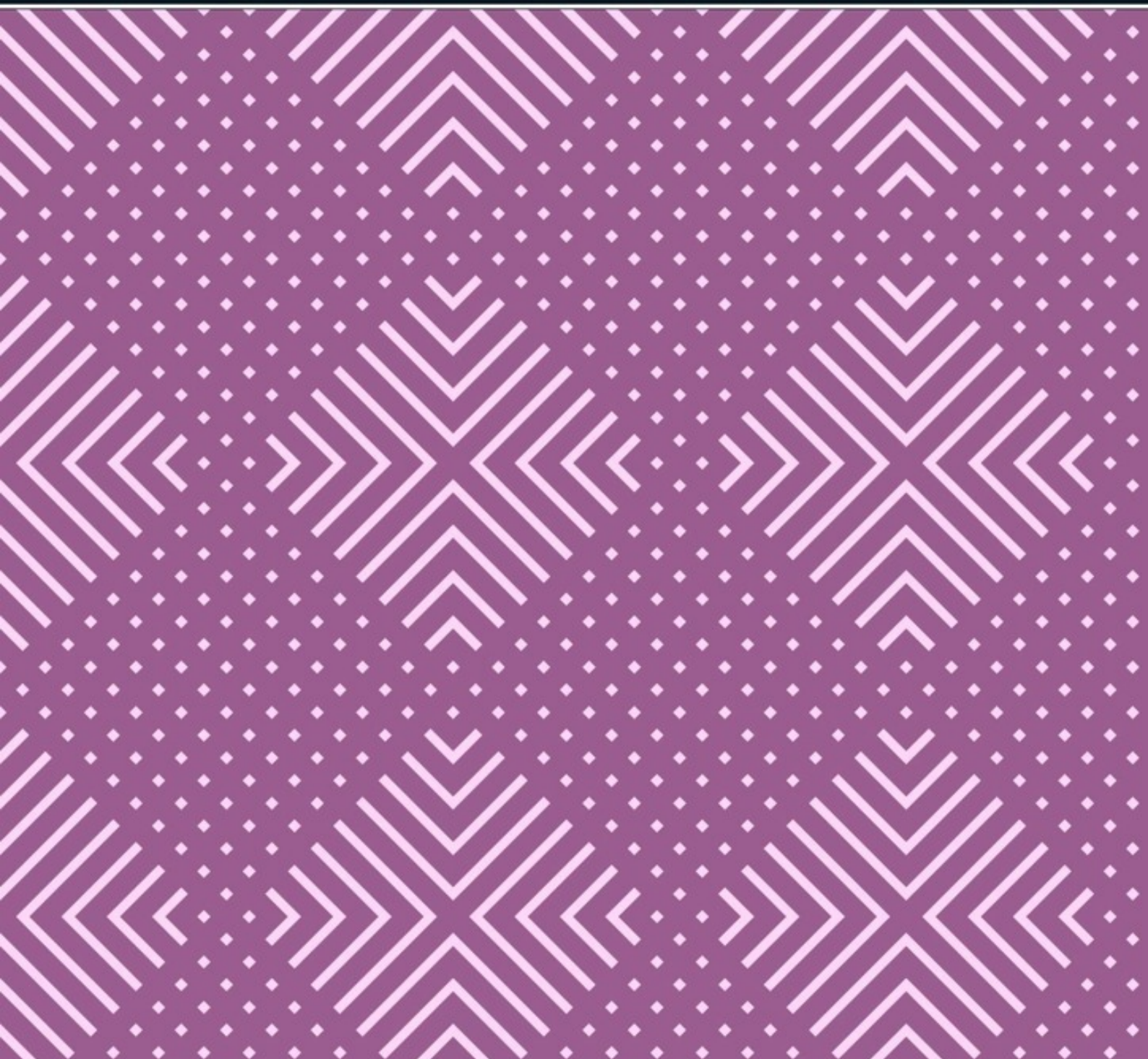

Ян Стрелковит

Времена года

Ян Стрелковит

Времена года

«Издательские решения»

Стрелковит Я.

Времена года / Я. Стрелковит — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962072-9

Повесть и три рассказа, объединяющие в себе четыре времени года, с разными персонажами и местами действия и единым для них является тема войны, её последствий. В данной книге речь идет о последней войне на Кавказе, хотя напрямую это не указывается.

ISBN 978-5-44-962072-9

© Стрелковит Я.
© Издательские решения

Времена года

Ян Стрелковит

© Ян Стрелковит, 2019

ISBN 978-5-4496-2072-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕВЕСТА. (Лето.)

Тонконогие насекомые, именуемые среди людей водомерками, с лёгкостью конькобежцев, расчерчивали водную гладь пруда. Было удивительно наблюдать как они стремительно проскользнув, вдруг замирали на пару секунд и тут же совершали движение в обратном направлении. Казалось, эти существа всем своим видом отрицали законы физики и как бы говорили: “ Ну посмотрите, вода ведь не жидкая. Она твёрдая. По ней можно бегать так же, как и по суше.»»

Тяжёлый, грубый камень с плеском ударился о воду, в том месте, где резвилась стая водомерок. Брызги полетели мелким дождем в разные стороны, и расходясь кругами вода поглотила булыжник.

Девочка, лет десяти, с двумя косичками, сплетёнными из чёрных, как уголь волос, отпрянула назад, зацепилась о выпирающий из-под земли корень дерева и нелепо взмахнув руками, упала. Трое мальчишек примерно того же возраста, стоя неподалёку громко рассмеялись, щуря веснушчатые физиономии и обнажая редкозубые рты. Отирая капли воды с лица, девочка несколько растерянно посмотрела на них и в этот момент откуда то сбоку, из-за высоких кустов послышался голос:

– Эй, вы! Хватит орать! Всю рыбу мне распугали!

Вначале озорники испуганно притихли, и с их лиц медленно сползли самодовольные улыбки. Двое даже собрались было убраться от сюда, но вдруг тот, который был выше остальных, громко спросил:

– Кто это там, как трус кричит из кустов?!

После чего, хитро улыбнувшись и подмигнув своим друзьям, крикнул ещё раз:

– Судя по голосу, это очень серьёзный и взрослый человек?!

На последних его словах затрещали кусты и на тропе, проложенной вдоль берега появился невысокий курчавый мальчуган, с удочкой в руках.

– Ух, какой большой и грозный воин! А в руках у него, наверное копье?! – продолжал шутить высокий, при появлении маленького рыбака и приятели главного хулигана, сдержанно захихикали.

– Хватит орать, и так всю рыбу распугал. Иди ори в другом месте, – недовольно проворчал мальчишка, обматывая леску вокруг самодельного удилица, сделанного из длинной, плохо оструганной ветки.

– Какие мы важные. А что это ты мне указываешь? -приближаясь заявил верзила и встав в метре от него, добавил:

– Пруд общий, где хочу, там и ору. И не тебе, сын чабана указывать...

Однако ему не удалось закончить фразу, так как с звериным рычанием кинулся на него рыбак и не дав договорить вцепился обеими рукам, в горло. Издав лёгкое шипение, смешанное с писком, хулиган пошатнулся и падая увлек за собой соперника. Когда оба мальчика оказались на земле, они принялись кататься по ней, сплетаясь в клубок словно два дерущихся кота. Мгновенно соратники высокого подскочили сбоку, стараясь нанести удары ногами и руками

по телу курчавого. Но от спешки они периодически промахивались, изредка попадая по своему товарищу. Наконец один из ударов всё таки достиг цели и хватаясь за ушибленный глаз, смельчак застонал откатываясь в сторону. Его противник держась за красную, расцарапанную шею вскочил на ноги и подбежал к нему, заноса кулак что бы добить окончательно. Но неожиданно метко брошенный камень, звонким шлепком угодил ему в спину, оставив на светлой майке грязный след. Вскрикнув от боли, предводитель хулиганов, рухнул на колени, а двое его дружков удивлённо посмотрели туда от куда прилетел камень. Они увидели ту самую девчонку стоящую чуть поодаль, которая сжимала в каждой своей ладони, по увесистому булыжнику. И стоило одному из них сделать шаг по направлению к ней, как она резко вскинула руку, смело шагнув ему на встречу. Улавливая решимость в её глазах, задиры трусливо попятнулись, а стоило ей шагнуть ещё раз, они не сговариваясь понеслись прочь. Тем временем, морщась от боли, с трудом поднялся высокий и процедив сквозь зубы:

– Мы ещё встретимся, малявки, -поплёлся вверх по тропе, охая и держась рукой за ушибленное место.

Бросив камни на землю, девочка подошла к кудрявому и присаживаясь рядом с ним на колени, спросила:

– Может помочь чем?

– Не-е, не надо. Всё нормально, -ответил он ей, сидя на траве и моргая подбитым глазом, на котором уже зрел свежий, сочный фингал.

– А ты что здесь делала? Тоже рыбу ловила? -поинтересовался он, поднимая валяющееся неподалёку удилище.

– Нет, -отрицательно качнула она головой: -Я на водомерок смотрела и думала почему они не тонут.

– А-а, -понимающе протянул собеседник: -Я тоже люблю на них смотреть, когда они рядом с поплавком играют, -затем он деловито осмотрел удочку, убеждаясь что всё в порядке и лишь после этого вновь обратился к своей спасительнице:

– А ты рыбу умеешь ловить?

В ответ она молча, отрицательно покачала головой.

– А хочешь научу, -предложил он, глядя ей в глаза. На что она пожала плечами, улыбнулась и произнесла:

– Давай, научи.

И вскоре, они оба, сидя на поваленном возле берега стволе дерева следили, как мерно покачивается на водной поверхности поплавок. Он наклонялся от ветра то вправо, то влево, распространяя по воде лёгкую рябь, а совсем близко от него проносились, нанося на воду невидимый рисунок, вездесущие водомерки.

Надо тебе тоже удочку сделать, -полушёпотом обронил мальчик, пальцами руки трущий нижнее веко.

– Болит? -глядя на его действия, поинтересовалась девочка.

– Нет, это я всегда так делаю, когда нервничаю, -буркнул он недовольно и убрал в низ руку.

«Странно, а я вот совершенно не нервничаю. Мне даже как-то чересчур спокойно. Так, словно всё это уже было однажды со мной и я знаю наперёд что будет. Знаю, что на протяжении последующих десяти лет мы часто будем видеться с тобой, на этом самом месте. Будем разговаривать о жизни, обсуждать наших друзей, родственников и все те события, которые происходят с нами. Мы не станем врать друг другу, утаивая лишь самую невинную мелочь и удивляясь при этом, насколько наши мысли и чувства совпадают. Нам никогда не будет скучно вдвоём и вот однажды ты сделаешь мне предложение- выйти за тебя замуж и я, естественно для вида, выдержу паузу и соглашусь...» -так почему то подумала в этот момент про себя девочка и, глядя на клонящееся к закату яркое, августовское солнце, негромко сказала:

– Меня зовут Мадина. А тебя как?

Мальчик снова, инстинктивно проведя рукой по глазу, еле слышно ответил:

– Меня Амир. Меня так в честь деда называли, -после чего стесняясь собственной неуверенности, убрал руку от глаза, покраснел и замолчал.

Мадина, заметив это, улыбнулась краешком рта и продолжила любоваться уходящим за гряды ближайших сопок, позолоченным диском солнца. Чёрные тени на воде становились всё длиннее и длиннее, вытягиваясь как руки сказочных чудищ. Водомерки, не зная устали носились по тёмной воде и было совсем непонятно почему они не тонут и каким образом вода позволяет им держаться на поверхности.

Откуда-то сбоку послышался громкий, призывный шёпот похожий на шелест веток во время сильного порыва ветра:

– Мадина! Мадина!

Мадина став красивой темноволосой девушкой с тонкими, присущими только юности чертами лица, резко обернулась. По тропе вниз, к пруду, к излюбленному месту спускался он-Амир. Стройный и широкоплечий юноша с курчавыми, чёрными локонами, похожими на шерсть молодого ягнёнка. Он подходил всё ближе и ближе, одной рукой вытирая веко глаза так, если б туда попала соринка. А когда он приблизился и вопросительно заглянул в глаза Мадины, она улыбнулась, как в детстве краешком рта и спросила:

– Волнуешься?

Недовольный собой что выдал чувства, он отвёл в сторону глаза и убирая вниз руку, процедил сквозь плотно сжатые губы:

– Дурацкая привычка. Никак не могу отвыкнуть, -но через секунду опять посмотрел на неё и после небольшой паузы, с еле сдерживаемым волнением в голосе, задал вопрос:

– Ну так, что ты решила?

Вместо ответа, она достала из рукава кофты свёрнутые два платка и протянула ему.

Губы Амира дрогнули и расплылись в улыбке. Он тяжело выдохнул, принимая платки в руку и на мгновение пальцы обеих соприкоснулись, пронзая ладони друг друга непонятным, наэлектризованным зарядом. Явно сильно волнуясь, Амир достал из кармана алую ленту и повязал знак невесты Мадине на запястье. На что она, стараясь удержаться чтобы не кинуться ему на шею и не расцеловать, наклонила голову и с полуприкрытыми глазами, ткнулась лицом в плечо любимого. Он обнял её, сильно прижимая к себе и она почувствовала как часто бьётся в его груди молодое, крепкое сердце. Поворачивая голову, Мадина вслушивалась в бухающие удары циркулирующей по телу крови, которые говорили о чём-то с ней, на своём особенном, кровеносном языке.

Солнце опять, как когда-то начинало прятаться за макушки сопок, но движения суетливых водомеров сейчас не казались такими таинственными и значимыми, как раньше, в детстве. Мадина закрыла глаза, и сердечные удары в груди жениха, сливаясь с шорохом разбуженной ветром листвы, медленно превратились в единый, равномерный гул, сквозь который она отчётливо слышала мужской голос:

– Мадина, Мадина, ты слышишь меня? -вопросил этот голос, совсем не похожий на тембр Амира. Она открыла глаза и к своему удивлению обнаружила, что сидит за круглым столиком в летнем кафе. Неподалёку от неё проезжали с шумом автомобили, из открытых окон которых слышалась бьющая низкими частотами музыка. Городские дома, отвесными уступами нависали над улицей, а там вдалеке, как тогда у пруда, пряталось за крыши обёрнутое в золотой плащ солнце.

– Мадина, что с тобой? -в очередной раз позвал мужской голос и она посмотрела на того, кто сидел напротив.

Этот, слегка рыжеватый мужчина, с большим загнутым вниз и похожим на клюв хищной птицы носом, никак не походил на Амира. Но он точно так же как и её жених тёр рукой нижнее веко глаза.

– Что у тебя с глазом? -поинтересовалась она и Тимур, а именно так звали собеседника, убрав руку от лица, скривил губы в неприятной гримасе, коротко бросив при этом:

– Так, в глаз что-то попало.: и желая перейти поскорее к другой теме, пододвинул к ней лежащий на столе мобильный телефон, торопливо проговаривая:

– Когда дойдёшь до середины перехода, нажми синюю кнопку два раза. Услышишь гудки, сразу вешай трубку. Поняла?

Мадина молча кивнула и снова задала вопрос:

– А как я узнаю, где середина перехода?

– Там ларёк такой будет, видеодиски с фильмами продают и прочей их мерзостью. Возле него и позвонишь. Потом возвращайся обратно, к машине. Я в ней буду ждать тебя.

Мадина спокойно поднялась и взяла в руки похожий на кусок мыла телефон. Тимур, тоже встал из-за стола и протягивая целлофановый пакет, сказал:

– Вот, возьми его. Пусть он будет у тебя в руке.

– Что там? -забирая непрозрачный, забитый чем то мягким, но увесистым пакет и проявляя пожалуй излишнее любопытство, осведомилась она. На что Тимур только небрежно махнул рукой:

– Так, ерунда всякая, можешь сама убедиться.

Сверху просматривались накиданные в сумку старые журналы и жёлтые от времени листы газет. Мадина хотела было продолжить расспросы, но не стала, наблюдая как Тимур отвёл взгляд в сторону и снова нервно принялся тереть пальцами глаз. Она молча повернулась с пакетом в одной руке, в другой с мобильным телефоном и двинулась по направлению к пешеходному переходу.

Ей ранее, уже приходилось выполнять подобные поручения Тимура и каждый раз это были различные спортивные или хозяйственные сумки. Единственное, что сейчас удивило, так это то что сумка была открыта и виднелось содержимое.

Двигаясь в толпе пешеходов и слушая звуки города, Мадина мысленно представляла себя в труднопроходимом лесу. Принимая городской монолитный шум за ветер, дующий среди скал, в вышине узкого, горного ущелья.

Конечно она не была совсем дикаркой и очень хорошо знала про жизнь в таких огромных городах, как этот. Но знать и воочию лицезреть подобную, непривычную суету, это два разных дела. Поэтому, желая как можно быстрее адаптироваться, она и представляла себе более знакомые виды и пейзажи, мысленно замещая реальность собственными воспоминаниями. Так, по крайней мере ей казалось, будет спокойнее и станет незаметна для окружающих, её неловкость.

Спустившись вниз по ступенькам, словно она шла по горной тропе, Мадина попала в узкий грот, под названием пешеходный переход. И двинулась в глубь него, рассматривая товары, выставленные в стеклянных витринах ларьков, и павильонов. Вот промелькнули сигареты с напитками, а вот косметика за которой следуют сумки, ремни и зарядные устройства к мобильным телефонам. Неожиданно она замерла на месте как вкопанная. Сердце учащённо забилося, так если б оно хотело разорвать грудную клетку и вырваться наружу. Там, за прозрачным стеклом одной из витрин, среди плакатов и постеров к фильмам, она увидела его. Амир смотрел прямо на неё, с одного из плакатов. На нём была форма военного и грудь обматывали пулемётные ленты, а в руке он держал огромный пулемёт, целясь в Мадину. В шоке от увиденного она стояла, тупо таращась и не решаясь даже пошевелиться, пока один из прохожих случайно не толкнул грубо в плечо. Инстинктивно она повернула голову, а когда посмотрела обратно, Амира уже не было. На рекламном постере, с пулемётом в руке был изображён совер-

шенно другой человек, вовсе не похожий на её жениха. Мадина облегчённо вздохнула, припоминая как однажды, точно так же окликнула незнакомого юношу, в толпе на привокзальной площади. Тогда она даже пробежала немного вперёд и схватила прохожего за руку. Он обернулся и только в тот момент Мадина поняла, что обозналась. Она хорошо помнит, как ей было неловко и смущённо потупив глаза пришлось отступить назад, бормоча извинения. Но стоило незнакомцу продолжить свой путь, Мадина упрямо уставилась ему вслед, глупо надеясь на то что если он обернётся, то возможно всё-таки окажется её любимым, её Амиром. Так и сейчас, стоя перед ларьком. Она почему-то наивно высматривала среди фотографий, с запечатлённой на них ненастоящей, киношной жизнью, хоть капельку той, которая невидимой нитью связывала с реальностью.

Шедшие мимо люди всё чаще толкали в спину и плечи, и чтобы прекратить эту толкотню, Мадина шагнула в сторону. Вдруг вспомнив о своём деле, о том ради чего собственно здесь и стоит, она поняла что находится практически посреди перехода. И глядя на руку, где был зажат мобильный телефон, с непонятным, неведь откуда пришедшим волнением, нажала на кнопку вызова. Прислоняя телефон к уху, ей хорошо стали слышны треск и щелчки, соединяющие с незнакомым абонентом. Удивительно, но на короткий миг почему-то показалось, что может произойти нечто непоправимое и что лучше всего отключить этот похожий на обмылок, дурацкий телефон. Палец Мадины уже потянулся к красной кнопке, но тут из трубки раздались монотонные гудки установленной связи. Она нажала на кнопку, оборвав вызов и глянула по сторонам. Всё было так же как и раньше. Мимо шли люди не обращая на неё никакого внимания, в витринах красовались ярко освещённые товары, а звук человеческих шагов, напоминал стук колёс поезда дальнего следования. Постояв ещё немного, Мадина двинулась в обратном направлении и совсем скоро оказалась на улице. Вечернее небо потемнело окончательно и вдалеке над домами, сопровождаемая яркими всполохами, громыхла гроза.

Первые крупные и редкие капли дождя уже начали падать на серо-чёрный асфальт и Мадина ускорив шаг приблизилась к автомобилю, в котором ждал Тимур. Как только дверца автомобиля гулко захлопнулась за ней, в вышине прогремел раскат грома, и дождь забарабанил что есть силы, по металлической крыше.

– Ну как тебе вся их американская мерзость? -хитро прищуриваясь спросил Тимур, заводя поворотом ключа двигатель. Мадина ничего ему не ответила, она молча глазела на пешеходов которые мечутся под водяными струями и размышляла о том как странно устроен человек. Ведь все эти люди, до недавнего спокойно идущие по своим делам, знали или по крайней мере догадывались что приближается гроза, но ничего не сделали чтобы укрыться или хотя бы пойти чуточку быстрее. Зато теперь, когда ливень хлестал им по щекам, а идти надо было обязательно, все вдруг побежали, понеслись сломя голову.

Машина, взревев мотором отъехала от места парковки и разрезая колёсами ручьи текущие по мостовой, влилась в общий автомобильный поток.

Спустя примерно полчаса автомобиль оказался у подъезда невысокой кирпичной пятиэтажки, и Мадина легко различила сквозь мутное стекло выкрашенные в светло-песочный цвет стены дома. К этому времени, дождь практически перестал лить. Ступая по тёмным, глубоким лужам и пряча голову в плечи от капель, падающих с веток деревьев, Мадина в сопровождении своих спутников, Тимура и усатой тётки Фатимы, прошла в подъезд. Стараясь не смотреть в глаза встречным жильцам дома, как зачастую делают многие чужаки, они поднялись по грязно-серым, местами шербатым ступеням на третий этаж. Тимур нажал на кнопку дверного звонка, выдавив из него один длинный и два коротких гудка. Металлический щелчок разлетелся эхом по лестничной клетке и дверь отворилась, будто за ней уже давно стоял кто-то, ожидая условленного знака. Три тени прошмыгнули внутрь квартиры и дверь мгновенно захлопнулась за ними.

С момента вхождения в квартиру минуло совсем немного времени, которое показалось Мадине практически мгновением. И вот она уже сидела на полу, на ковре, в уютной небольшой комнате, обставленной потёртой лакированной мебелью и пила горячий чай. А тётя Фатима подливая себе из чайника свежую коричневую заварку, тихо нащёптывала.

– Они там, тебя обсуждают. Тебя и твою встречу с Амиром. Мне кажется что это произойдёт совсем скоро. Понимаешь меня? -сказав это Фатима многозначительно улыбнулась, отхлёбывая из своей пиалы.

Мадина тоже улыбнулась ей в ответ, думая о том как это всё похоже на тот замечательный день или точнее сказать вечер, когда старейшина рода Амира приехал сватать за него Мадину. Почти так же лил за окнами морозящий дождик и женщины на их половине дома, шептались лукаво поглядывая на неё. А она в свою очередь, не понимая причину их перешёптываний, но догадываясь для чего мог приехать представитель рода Амира, вопросительно заглядывала им в лица и не находила ответа. Всё это было до тех пор, пока к ней не приблизилась двоюродная бабка и, дёрнув за край рукава кофты жёлтыми, скрюченными пальцами, не заставила наклониться, шепнув на ухо:

– За тобой приехали. Сваतуют тебя за красавца твоего. Отец согласен, калым обсуждают.

Только тогда Мадине стало одновременно радостно и чересчур беспокойно на душе. Её сердце забилося, затрепыхалось в груди пойманной птицей, посаженной в клетку. Помнится она от переизбытка чувств, даже закрыла лицо руками и улыбаясь отвернулась к стене. Младшие сёстры небольшой стайкой набежав с разных сторон с поздравлениями, заставили обернуться и убрать ладони, и она ощутила влажный след от скатившейся по щеке слезы.

Так и в этот раз, сердце забилося с дикой частотой после слов Фатимы, в носу защипало и слеза, готовая вот-вот сорваться с ресниц, замерла заполнив собой нижнее веко. Однако что-то внутреннее, жёсткое и колючее, не позволило эмоциям вырваться наружу. Пощипывание в носу медленно пропало и Мадина ответив сдержанной улыбкой на услышанное известие, тяжело дыша, принялась пить большими глотками обжигающий язык и губы чай.

Зорко наблюдая за реакцией подопечной тётя Фатима мельком бросила взгляд на дверь, где послышались шаги и Мадина улучив момент смахнула одним движением с ресниц слезу. В ту же секунду дверь в комнату отворилась и на пороге возник Тимур. Он молча, жестом поманил за собой обеих женщин и те, послушно встав с ковра, последовали за ним.

Пройдя по узкому коридору, они попали в просторную гостиную с наглухо зашторенным окном и постеленным пёстрым ковром посреди комнаты. На котором друг против друга, на разных концах стояли невысокие, примерно сантиметров пятнадцать в высоту, прямоугольные столы, покрытые скатертью. На столах возвышались вазы с сухофруктами и конфетами, а также глиняные, покрытые каплями испарины, чайники. За дальним столом восседал седой мужчина с коротко стриженной бородкой, медленно перебирая в руке чётки. Этому мужчине все почтительно именовали учителем и никто никогда не называл его по имени. Мадине он чем-то напоминал собственного отца, такой же степенный и важный, а главное поразительно спокойный человек, уверенный в том о чём говорит и что делает. Возможно, именно благодаря этому она с лёгкостью приняла данную форму обращения к нему и так же упоминала его только как учителя.

Сев за столом на противоположной от учителя стороне ковра, Мадина налила себе и тётя Фатиме чай, взяв из вазы одну конфету. Одновременно с этим она услышала негромкое воркование Фатимы, о том что эти сладости прислал для своей невесты сам Амир, чем естественно сильно смутила Мадину. И снова ощущая учащённое сердцебиение, она опустила глаза вниз, не решаясь положить развёрнутую конфету себе в рот. Заметив это Фатима заботливо подтолкнула её руку, приподнимая вверх, аж к самому рту и громко прошептала о том, как не любят женихи слишком худых и бледных невест и что из уважения к Амиру она просто обязана съесть хотя бы несколько конфет. Тем временем негромко переговорив о чём-то с учителем, Тимур

встал и приблизился к столу Фатимы и Мадины. Усаживаясь примерно в полуметре от них, он жестом возблагодарил всевышнего за стол с угощениями, проведя руками по лицу так словно совершал омовение и заговорил:

– Учитель сказал, что завтра Мадина сможет увидиться со своим женихом, Амиром. Поэтому он спрашивает, готова ли она к этому или лучше обождать?

На какое-то время в воздухе повисла пауза и все кто был в комнате, ожидая ответа пристально посмотрели ей в лицо. Она же, будто не замечая их жадно-любопытных взглядов, с трудом разжёвывая вязкую конфету, не сводила взора с руки Тимура. В которой она увидела зажатый меж пальцев платок, с узором вышитым по краям. Мадина хорошо помнила как перерисовывала этот узор из старого журнала, а после сама вышивала, втыкая иглу в белую материю. Для того чтобы подарить, эти два одинаковых платка Амиру. Один из них, она точно знала Амир оставит у себя, а второй отдаст своему другу, обязанному сопровождать её, во время всей свадебной церемонии. Единственное что смущало, это несколько блёклые тона ниток, на самом узоре и то что Тимура она не помнила среди друзей Амира.

– Ну так что передать учителю? Ты готова к встрече с женихом или нет? – повторил вопрос Тимур, проведя платком по дёргающемуся веку своего глаза.

Неожиданно, лишь только сейчас Мадину озарила светлая мысль. Вероятно Тимур просто дальний родственник Амира и поэтому тот выбрал его в сопровождаемые для неё. Она улыбнулась своей догадке и тихо спросила:

– Значит будет свадьба?

– Конечно, конечно, будет свадьба... -закудахтала сбоку Фатима, но Тимур жестом оборвал тарыхтение тётки и снова обратился к Мадине:

– Свадьба будет, но мы живём в чужом для нас городе и поэтому она будет длиться не как принято три дня, а всего один. Ну так как, ты согласна, Мадина?

На что, едва сдерживая счастливую улыбку, она кивнула головой и на выдохе произнесла:

– Да, да, конечно согласна, -и схватив из вазы ещё одну конфету, быстро развернув сунула приторную сладость себе в рот.

– Хорошо, тогда Фатима поможет тебе нарядиться согласно местным обычаям, а ты обязательно слушайся её, -строго проговорил Тимур, поднимаясь на ноги. Мадина несколько раз для верности кивнула головой и разжёвывая вязкую конфету, отхлебнула из пиалы, горячий чай. Быстро проглотив остатки конфеты, она потянулась к вазе чтобы взять следующую, но поймав на себе лукавый, чуть с прищуром, взгляд Фатимы, остановилась. И только после того как та покровительственно пододвинула вазу поближе к Мадине, окончательно осмелев выхватила целую пригоршню конфет.

Меж тем, Тимур примостился рядом с учителем, слегка наклонил голову и глядя снизу вверх, сообщил ему радостную весть. На что седобородый поднял кверху ладони и провёл ими по лицу, благодаря за что-то всевышнего. Далее он встал из-за стола и, в сопровождении Тимура, вышел из комнаты. Фатима и Мадина остались наедине, оживлённо начав обсуждать в какой наряд лучше одеться невесте. Всё это так было приятно и похоже на тот вечер сватовства, что хотелось скакать, хлопать в ладоши и петь от счастья весёлые песни. Огорчало только одно, почему то все предложения по поводу наряда от самой Мадины не приветствовались, и Фатима постоянно повторяла извечную фразу:

– Это чужой город, здесь так не принято.

В результате, умирив фантазию и съев почти полвазы конфет, Мадина успокоилась, ощутив желание лечь и поспать. Она, еле сдерживая свой зевок поднялась на ноги и повинувшись желанию Фатимы показать заранее отобранные наряды, направилась в их комнату. Где проваливаясь в глубокое и мягкое кресло, стала наблюдать, как из открытого полированного шкафа, тётка достаёт кофты и платки, раскладывая их на ковре прямо у ног новоявленной невесты.

За окном, отбивая чечётку, барабанил по металлическому карнизу мелкий, морозящий дождь. Глаза слипались, толи от усталости, толи от этого дробного постукивания. И, в какой-то миг, Мадина на секунду прикрыла их, а когда открыла, то увидела перед собой прилавок открытого, деревянного павильона, на котором прямо перед ней, продавщица раскладывала платки и кружева для платьев. Вокруг, в пропитанном сухой пылью воздухе, стоял нескончаемый пчелиный гул человеческих голосов. Мадина посмотрела по сторонам, окинув взглядом площадь их районного центра, заполненную людьми на пёстром и шумном по восточному базаре. Рядом с ней щебетали, переговариваясь с продавщицей сёстры, изредка предлагая невесте то одну материю для свадебного платья, то другую. Учтиво кланяясь, а после отказываясь от предложенного, Мадина хитро улыбалась под платком, который закрывал нижнюю часть лица. Как ни странно, ей в тот день было решительно всё-равно в каком платье выходить замуж, лишь бы супругом стал он-Амир. Поэтому сейчас она думала только о том, как он и что делает в этот самый момент, помнит ли он о свадьбе или занят другими, более важными делами. Заботило это её потому, что по их аулу бродили слухи о войне, посланную к ним с севера и что возможно эта напасть докатится и до их селения. А выбор материи и возможность отказываться от предложенного, только отвлекали от подобных мыслей и забавляли тем, с каким рвением сёстры пытались ей угодить.

Внезапно слева послышался резкий звук тормозов автомобиля, и одна за другой захлопали открываемые и закрываемые дверцы. Увлечённые своими делами сёстры даже не обратили внимания на этот звук, а Мадина обернулась и увидела -Его. Амир стоял рядом с высокой чёрной машиной, в тёмных затонированных стёклах которой отражалось высокое, дневное солнце. Одетый в серо-зелёную военную куртку, он держал в руках чёрный, пластмассовый чемодан, а за его спиной виднелся приклад висящего на плече автомата. Амир стоял в одиночестве, явно кого-то ожидая. Тут его взгляд встретился с глазами Мадины и он не узнав суженную, смущаясь хотел было отвернуться, но заметив сестёр улыбнулся. Потом мельком глянул по сторонам и чуть заметно подмигнул Мадине. Этого было вполне достаточно чтобы она, оставив своих сопровождаемых пошла вдоль рядов, приближаясь к любимому. Он, наблюдая её действия, явно занервничал, начал усиленно озираться и даже отрицательно покачал головой, но когда это не подействовало, слегка прикусив нижнюю губу, двинулся на встречу. Конечно оба влюблённых прекрасно знали обычаи и то что им не положено сейчас встречаться, и разговаривать. Помимо всего прочего, они не могли не понимать что в любую секунду могут увидеть и даже наказать за подобную провинность. Но несмотря на все препятствия, обоих тянуло друг к другу невидимым магнитом. Так они приближались до тех пор, пока далёкий и протяжный автомобильный гудок не возопил, заглушая гомон толпы на базаре.

Многие посмотрели в ту сторону, откуда он раздался и перед их глазами, поднимая придорожную пыль, на площадь въехали два грузовика, где в открытых кузовах сидели вооружённые люди. Бородатые, с обветренными, тёмными от загара лицами, они сжимали в руках оружие и многие из них улыбались. А кто не улыбался, с прищуром взирал на людей на площади, излучая при этом браваду, похожую на ту что светится на лице мальчишки готового прыгнуть в воду, с высокого камня. Какие-то люди в военном камуфляже подбежали к машине, рядом с которой ещё недавно стоял Амир и, распахивая двери, стали рассаживаться по местам. Амир, бросив немного расстроенный взгляд в сторону невесты, побежал к чёрному высокому автомобилю и спустя несколько секунд, блестящая лакированная дверца захлопнулась за ним. Внедорожник, мощно пробуксовав на песке, рванулся вперёд и громко сигналив клаксоном умчался с площади. Вслед за ним урча моторами покатали грузовики, так же оглашая окрестности протяжными гудками. Очень скоро они исчезли за поворотом, оставив о себе на память лишь облако серой, придорожной пыли.

Снизу, кто-то дёрнул Мадину за рукав. Она посмотрела на сестру с тюком покупок в руках и та качнув головой, двинулась в противоположную от уехавших автомобилей сто-

рону. Спустя пару минут, невеста и её спутницы оказались за пределами базара и подошли к автобусной остановке. В это самое время, земля под их ногами завибрировала и послышался нарастающий гул, в котором неприятно различимы были нотки лязгающего о камни металла. Люди на остановке дружно посмотрели, на то как в конце улицы показались тёмные, напоминающие больших жуков бронемшины. Они приближались и по мере их приближения, земля под ногами с каждой секундой дрожала всё больше и больше. Вскоре колонна военной техники поравнялась с остановкой и рёв моторов смешанный со скребущими асфальт гусеницами, превратился в один труднопереносимый грохот. Мадина закрыла глаза от страха и ужаса, а в голове застучала напоминая пульс фраза: «Свадьбы не будет. Свадьбы не будет. Свадьбы не будет.». Захотелось поднять руки зажимая уши чтобы не слышать всего этого, но предательское тело в данный момент оказалось тяжёлым и неповоротливым. Руки не желали не то что подниматься, ими невозможно было даже слегка пошевелить. С силой зажмуриваясь и напрягаясь, Мадина вдруг явно распознала сквозь всю эту дикую какофонию звуков, песню напеваемую тонким женским голосом.

«Красавица, счастье тебе привалило,
Себе достойного ты полюбила».

Эта строка повторялась многократно надоедая и раздражая. До одури, до головной боли, до тех пор, пока Мадина не открыла глаза и не поняла что сидит в кресле, в комнате с зашторенными окнами. Сквозь складки материи пробивался яркий утренний свет, а на диване лежала женская нарядная одежда, явно приготовленная для неё.

Она пошевелила затёкшими от долгого сидения конечностями и уловила слабое покалывание на кончиках пальцев. За окном, на улице гудела поливальная машина, а в голове занозой крутилась фраза из песни:

«Красавица, счастье тебе привалило,
Себе достойного ты полюбила».

Поднимаясь и, разминая руки, ноги, Мадина начала прохаживаться по комнате, мысленно вспоминая продолжение песни про «красавицу, которой привалило счастье». Но, несмотря на въедливые фрагменты знакомого песнопения, оно никак не желало воссоединяться в нечто целое. Мадина даже припомнила, когда в первый раз услышала его. Было это примерно за четыре года до сватовства к ней Амира. На свадьбе своего двоюродного брата, где она будучи ещё четырнадцатилетней девочкой пела её вместе с другими родственниками, приехавшими забирать невесту. Тогда она и увидела впервые всю светящуюся от счастья девушку, в красивом одеянии и то, как невеста шла от дома к ним, излучая теплоту и любовь. Помниться в тот момент, ещё достаточно спокойно относясь ко всякого рода праздникам, Мадина вдруг стала завидовать той, к кому сегодня были привлечены взоры. Да, она позавидовала и захотела, как можно скорее испытать счастье оказаться невестой. Потом был день, во время которого всё вращалось вокруг красиво одетой девушки. И до того ей сильно захотелось поменяться с ней местами, что она не выдержала во время вечернего намаза, и прошептала:

– Аллах, будь милостив, пошли мне самую долгую и самую незабываемую свадьбу на свете. Чтобы я как можно дольше, чем всё остальные, оставалась невестой.

Конечно, данное ребячество выглядело несколько наивно, но вот спустя несколько лет она поймала себя на мысли, что может быть бог услышал и послал то, чего она так хотела? Ведь по сути прошло уже немало времени, а она до сих пор всё остаётся невестой Амира. А та, их несостоявшаяся когда-то их свадьба, растянулась на столь огромное время, что ощущение вечного ожидания близкого счастья стало привычным и превратилось в обыденность. От всех этих мыслей Мадину начало охватывать волнение, перерождаясь в нервный зуд. Особенно сильно испугало, что и в этот раз свадьба не состоится и она так и останется вечной невестой. Поэтому покусывая нижнюю губу, она приблизилась к щели между шторами и глядя на луч света, бьющий сквозь неё, пробормотала:

– Аллах, спасибо что услышал меня, будь милосерден и сотвори ещё одно чудо. Сделай так чтобы я встретила и наконец-то вышла замуж за Амира.

С еле слышным поскрипыванием паркетных полов, в комнату тенью вошла Фатима и с её приходом Мадину объяла более весомая, непонятная тревога. Неизвестно почему, нервически затряслись кончики пальцев на руках, а колени стали шаткими и непослушными. До такой степени, что пришлось даже присесть на край дивана, сцепив меж собой пальцы рук, дабы не выдать волнения.

Фатима приблизилась, неся в руках поднос, на котором стоял чайник, пиалы и ваза, наполненная конфетами. Удивительное дело, Мадине вовсе не хотелось пить и есть сладкое, но повинувшись некоему ритуалу она хлебнула горьковатый, с запахом трав чай и дрожь постепенно стала проходить. С каждым глотком растворялись в неизвестности, неуверенность и страх, а вместо них появлялись успокоенность и расслабленность. Вслед за первой, вторая пиала была выпита до дна и незаметно навалилась на плечи и веки сонливость.

«Очевидно я плохо выпалась», -подумала про себя Мадина и отставляя в сторону третью недопитую пиалу, произнесла:

– Что-то меня в сон клонит, возможно из-за того что уснула в кресле.

– Да, да, -торопливо подтвердила Фатима и тормоша её за рукав, закудаhtала:

– Спать не надо. Нам ещё наряжать тебя, для свадьбы. Вот увидишь, ты будешь самой красивой невестой.

Она ловко подхватила поднос и бросив косой взгляд на Мадину, быстро удалилась из комнаты.

Сон, временами тяжёлый до невозможности, накатывая волнами, затуманивал сознание. Стараясь прогнать дремоту, она еле заметно встряхивала головой и это помогало, но только на короткое время. Далее всё повторялось снова. Мадина чувствовала усталость от этой борьбы и мысленно ругала себя за то, что перед таким ответственным днём, плохо выпалась. Но несмотря на эту напасть, она очень хорошо помнила, как Фатима красила её чёрные, с сильной проседью волосы в тёмно-русый, слегка рыжий оттенок. Заметив удивлённое выражение лица Мадины, Фатима скороговоркой пояснила, что так будет совсем незаметна седина, да и Амир сам лично одобрил выбор расцветки. Слова о том, что Амир в курсе всего и даже следит в какой цвет ей красить волосы, окончательно успокоили Мадину. Потому она глубоко вздохнув, покорно наклонила голову, позволяя Фатиме колдовать с волосами так, как той захочется. В нос ударил приятный запах шампуня и тёплые струи воды потекли по темени, и за мочками ушей. Мокрая голова, тяжёлая от воды, сама начала клониться вперёд, а в ушах зазвучали звонкие женские голоса, напевающие:

«Красавица, счастье тебе привалило,

Себе достойного ты полюбила.»

Пение повторилось несколько раз, до тех пор, пока кто-то не дёрнул за плечо и насильно не приподнял голову вверх.

– Ты что? Уснула что-ли? -трясла Фатима свою подопечную и стоило той открыть глаза, включила фен. Под дуновением тёплого воздуха Мадина опять пару раз едва не уснула, но теперь зорко следя за ней тётка грубо толкала в плечо, едва заметив, что дремота овладевает невестой.

После просушивания волос, последовало одевание и Мадину расстроил слишком простой и в то же время очень городской наряд. Но на все вопросы Фатима, как попугай твердила, об Амуре который в курсе всех изменений в свадебной церемонии. Отговорка действовала безотказно и не склонная к капризам Мадина, мгновенно перестала сопротивляться, выполнив что от неё требовали. В довершение, Фатима старательно наложила тонирующий крем и пудру на шрам, пересекающий щёку и с улыбкой подмигнула Мадине, через отражение в зеркале.

Невеста сдержанно улыбнулась в ответ, сама понимая что сейчас она похорошела и светится тем самым счастьем, как тогда в далёком прошлом, в самый первый день, своей свадьбы.

Открыв небольшой мешочек и вынув оттуда платок, в который был завёрнут начищенный до блеска серебряный рубль, Мадина одним движением положила его себе под грудь и застегнула кофту. Вытягивая из того же мешочка ленту и вручая её Фатиме, она попросила вплести в косу. Более опытная в этих делах компаньонка с пониманием кивнула и вскоре лента красовалась в волосах невесты. Поверх головы был одет платок, полностью закрыв её шею. Наконец-то проделав весь ритуал обрядования, Мадина ощутила необычайный прилив сил. Она поднялась, готовая идти куда угодно и сколько угодно, лишь бы встретится поскорее со своим женихом. Примечая краем глаза, как Фатима прикалывает к складке платья иголку с ниткой, Мадина несколько не удивилась. Потому что хорошо помнила обычай, в котором невесте прикалывают иглу с нитью, в момент покидания ею отчего дома. Правда эта квартира не являлась родным домом, но ритуал есть ритуал и его надо соблюдать. Так частенько говаривала мать и тяжело вздыхала при этом. Главное, Мадина знала что ни почём нельзя оглядываться, иначе навлечёшь беду на дом, в котором остаются родственники. Повинуясь давней традиции, она смело, не оглядываясь, пошла вперёд и перешагнув порог квартиры, спустилась вниз по лестнице. В сопровождении Фатимы и идущего впереди Тимура, невеста оказалась на улице, где их уже поджидал «железный конь».

Вокруг было тихо, свежо и безлюдно. Жители окрестных домов ещё только начинали просыпаться, для того чтобы идти умывать лицо, чистить зубы и кипятить воду в чайниках. Неподальку слышалось мерное шарканье метлы, верный признак что дворник, в оранжевом жилете, принялся добросовестно исполнять каждодневную повинность. Косой, солнечный луч, раздвигая густую листву, ярким бликом отразился от капота автомобиля. А в воздухе витала приятная прохлада, вдохнув которую невеста вспомнила другое похожее на это утро, которое однажды уже было в её жизни. Выплыли из закоулков памяти, будто старые фотоснимки, виды родного аула и вереницы машин свадебного поезда с крышами богато укрытыми, пёстрыми коврами. До ушей Мадины долетела весёлая, озорная музыка, играемая группой празднично одетых односельчан. И по мере приближения невесты к автомобилю, эта музыка становилась всё громче и громче.

– А почему нет ковров на крыше?! -громко спросила она пытаясь перебить звуки музыки в собственной голове. На что Тимур, поёжился от утренней сырости и передёрнув плечами, процедил сквозь зубы:

– У них, тут так не принято. Здесь лентами и куклами свадебные машины украшают. Вон видишь, одну прицепил, -и он показал глазами в сторону антенны, где болтался на самом кончике маленький лоскуток. Мадина провела рукой по нему, пальцами осязая шелковистую гладкость материи и, припоминая наигрыш услышанный ей у порога родного дома, села в автомобиль. Та самая забытая ранее музыка, в голове становилась всё отчётливей и слышнее. Невеста прикрыла глаза, сознательно погружая себя в атмосферу того дня, из прошлой жизни. Она ведь хорошо помнит, как села в машину свадебного поезда, где за рулём находился приятель Амира. Его звали Магомед, как нашего пророка. «Да-а, это было чрезвычайно символично», -промелькнуло в голове и лёгким толчком, она почувствовала что ещё кто-то садится рядом с ней, на заднее сидение. Мадина открыла глаза и вместо Фатимы узрела родную сестру с подругой, которые хихикая тыкали пальцем вперёд. Глядя в этом направлении, она рассмотрела трёх женщин из рода жениха, поющих тонкими голосами:

«Красавица, счастье тебе привалило,
Себе достойного ты полюбила,
Как чёрный сокол среди соколов
Птиц предводитель крылатый,
Так твой удалец среди удалцов

И тамада и вожатый.
Тебе досталась заря навсегда,
Что солнце опережает.
Тебе досталась с неба звезда,
Что ярче луны блистает».

Им, а заодно и автомобилю свадебного кортежа преграждали дорогу девушки из селения невесты, они улыбаясь и разводя руками пропели в ответ:

«Не сокол горный послал за тобой,
А толстомордый кобель и рябой.
То не заря в ночных небесах,
А необученный конь в камышах,
Мечется, как шальной.
Пыль на дороге вздымая до туч
Краями шальвар неловких,
Словно мухи с навозных куч,
Пришли за тобой золовки».

Спев, девушки нарочито стали серьёзными кто уперев руки в боки, а кто скрестив их на груди. Тогда представительницы рода жениха, доставая из мешочков конфеты и мелкие монеты, стали осыпать ими своих «соперниц». Те, улыбаясь расступились, раздались хлопки выстрелов и под ускоряющуюся музыку, играемую местными музыкантами, свадебный поезд двинулся в путь. Моторы автомобилей натужно ревели преодолевая ухабистую дорогу вверх по каменисто-горному серпантину, а из открытых окон машин теперь раздавалась другая мелодия, хрипя из динамиков магнитофонов. Периодически то тут, то там, высывалась рука с оружием, стреляя в воздух и вторя выстрелам дудели длинными гудками автомобильные клаксоны. На одной из кочек машина, где находилась Мадина подскочила и жёстко ударилась днищем о что-то твёрдое. От неожиданности невеста стараясь не оборачиваться вцепилась руками в сиденье и закусив губу, на секунду закрыла глаза.

А когда открыла их, она к своему удивлению поняла, что автомобиль управляемый Тимуром, притормозил у какого-то невысокого кирпичного дома. Судя по всему это был уже не город, а пригород, где кругом прятались за заборами разношёрстные коттеджи и особняки. Кряхтя Фатима вылезла из машины и потянула за собой, за руку Мадину. Та удивлённо глядя на неё и всё ещё стараясь не оборачиваться, присоединилась к своей провожатой. Все трое дружно направились по узкой тропе к кованой калитке которая при их приближении скрипнув, как по волшебству, распахнулась сама. Очутившись за забором и наблюдая возле дома сидящих на ковриках, беззвучно молящихся людей, Мадина догадалась что они приехали в молельный дом. Правда ранее она здесь никогда не бывала и прежние намазы проходили в большой, светлой, городской мечети.

Пройдя по двору и огибая строение, путники оказались перед дверью из-за которой слышались похожие на пчелиное жужжание, читаемые на распев молитвы. Не доходя до двери, Тимур отошёл в сторону, одел на макушку круглую шапочку и начал расстилать перед собой принесённый им разноцветный коврик. Снимая обувь Мадина ещё раз кинула взгляд на Тимура, заметив торчащий у него из кармана тот самый, хорошо знакомый ей платок с окантовкой. Эта невинная деталь снова успокоила невесту и стараясь не выдавать своих чувств, она вошла в дом.

Сделав несколько шагов по узкому длинному коридору, обе женщины свернули в боковое ответвление, затем приоткрыли низкую дверь и оказались в крохотной комнатке. Где справа у оштукатуренной на бело стены, спиной ко входу, уже сидел и молился неизвестный мужчина с широкой бородой, растущей под гладко выбритыми щеками. Сидя на коленях, он слегка шевелил локтями, немного раскачиваясь взад-вперёд, сопровождая движения, слабым посту-

киванием перебираемых пальцами чётков. Фатима и Мадина тоже опустили на колени, повторяя за незнакомцем слова молитвы. Постепенно ритм их движений и тихий гомон, совместно с воздухом пропитанным благовонием, стали усыплять Мадину. Вследствие чего, боясь уснуть и опозорить весь свой род, она принялась осторожно пощипывать сама себя в районе запястья. Одновременно с этим всплыло в памяти, как когда то, приехав в дом жениха, она едва не вошла в комнату невесты, нарушив древний обычай, по которому ей необходимо было убрать коврик и веник возле порога. Её нога, приподнятая вверх, едва не наступила на лежащую за порогом бурку, но вспомнив наказания матери, которая только и твердила всю последнюю неделю об осторожности. Мадина, будто ужаленная змеей, отдернула ногу, наклонилась и откинула в сторону бурку, под которой, естественно, находился веник. Поднимая его, невеста услышала одобрительное поцокивание языками провожающих до двери родственников.

Радуюсь по-детски своей находчивости, Мадина еле скрывая улыбку прошла в комнату, а когда за ней закрылась дверь опустилась на колени и стала молиться. В эту минуту она испытывала необычайную радость оттого, что не оступилась на коварно постеленную бурку. Она благодарила всевышнего за его благосклонность к ней и за то, что он уберёт от позора её немногочисленный, но очень древний род.

Во время этих воспоминаний, молитва читаемая незнакомцем закончилась и он, проведя ладонями по лицу, восславил Аллаха. Затем поднялся на ноги и повернулся, открывая всеобщему обзору своё лицо, испещрённое множеством мелких морщин. Незнакомец чересчур пристально всмотрелся, в сидящую на коленях Мадину и тихо спросил:

– Ты действительно сама, выбрала этот путь? Без какого-либо принуждения?

Продолжая ощущать ту благодать с которой она поминала всевышнего за то, что он не дал ей совершить ошибку, Мадина уголком рта улыбнулась и ответила:

– Да, сама, без принуждения.

На что незнакомец, сделав паузу, качнул головой и произнёс:

– На всё воля Аллаха, -и ещё раз проведя ладонями по своему лицу, вышел из комнаты.

Вслед за ним, поднялись с колен обе женщины. Фатима несколько замешкалась, опираясь рукой об пол, бормоча в слух про свои больные ноги и Мадине, пришлось подхватить тётку под руку, помогая ей встать. Но когда они вышли из комнаты в коридор, таинственного человека уже нигде не было видно.

С этого момента не прошло и трёх минут, как невеста опять сидела на заднем сидении автомобиля, управляемым всё тем же Тимуром. Который судя по платку в кармане олицетворял в данный момент кунака-друга жениха. За окном, мелькая сменялись ландшафты и пейзажи. Слева от неё охая и причмокивая пила налитый из термоса в пиалу чай Фатима, периодически бурча себе под нос:

– Эх, зря ты отказалась. Это хороший чай, свежий.

Но не обращая внимания на тётку, Мадина смотрела туда, где редкие сельские домики по мере их продвижения сменялись respectable коттеджами, а вдалеке за полем уже показался возвышающийся, похожий на горы из стекла и бетона, город.

Мадина молча фантазировала на тему встречи с Амиром. Она живо представила себе, как он подойдёт к ней и возьмёт за руку. Затем вообразила, что скажет при этом и что она ответит ему. Далее мысли девушки стали уходить далеко в будущее и вот она уже, после свадьбы ждёт любимого дома и готовит ему ужин. А рядом, в коляске попискивает их первенец. Конечно же мальчик, и естественно, как две капли воды похожий на Амира. В дверь позвонили и она, взяв ребёнка на руки идёт открывать. Щёлкнули тугие пружины замка, дверь приоткрылась, но там не Амир, там Фатима, пришедшая помочь по хозяйству. Добрая, чудесная Фатима берёт на руки ребёнка и улыбается ему. Мадине становится неловко, что эта замечательная женщина столько помогает ей и она, поддерживая её под локоть провожает в комнату, усаживает в глубокое, мягкое кресло. Потом Мадина удаляется на кухню, где грохоча кастрюлями

и сковородками, думает о том, кого бы она могла пригласить из своих родных, чтобы не обременять заботой Фатиму. Мысленно она воскрешает в памяти их лица: отца, матери, сестёр. Они все отчётливо запечатлелись в памяти смотрящими ей в след, ведь она украдкой всё таки видела родных в зеркале заднего вида, отъезжающего от дома свадебного автомобиля. Да, она хорошо помнит этот момент и как после смотрела из окна машины направо, туда где провожая взглядами свадебный кортеж, сидя на броне БМП, черпали ложками из котелков чумазые, веснушчатые солдаты. И один из них, голубоглазый, светловолосый паренёк весело улыбнулся ей. Мадина ещё раз взглянула в зеркало автомобиля, но вместо родного дома увидела какие-то жалкие, обугленные развалины. «От куда они здесь? Почему она их видит?» Молнией пронеслось в её мозгу. Не понимая в чём дело она отшатнулась в сторону и больно ударившись затылком о навесную полку, осознала что находится в кухне. Схватив с полки телефон и лихорадочно набрав номер, тот самый, мамин, она услышала в трубке до боли знакомый и родной голос младшей сестрёнки. С трудом, выравнивая дыхание и стараясь не показывать волнение в голосе, Мадина попросила позвать к телефону маму. Сквозь шорохи и щелчки ей становятся отчётливо различимы приближающиеся звуки шагов. Пульс учащается в томительном ожидании и дыхание предательски становится тяжёлым, и прерывистым. Кажется там, на другом конце этой телефонной связи, нарочно кто-то тянет время для того, чтобы заставить понервничать её, Мадину. Но вот этот кто-то поднёс трубку к своему лицу и послышалось глубокое дыхание. «Возможно это мама и у них всё в порядке и я зря волнуюсь», промелькнула в голове мысль. Внезапное лёгкое завывание раздалось в ухе и резкий обрыв связи перерос в короткие, часто повторяемые гудки. Мадина ничего не понимая, удивлённо оглянулась по сторонам и поняла что теперь она, почему то находится в комнате невесты, в доме Амира, а в руках у неё огромная чёрная трубка с короткой толстой антенной. Опять откуда-то сверху стало слышно завывание и грохот, сопровождаемый яркой вспышкой, ослепляющей глаза. Она зажмурилась, почувствовав сильный толчок в спину и как чьи-то руки, хватая чуть повыше запястья тянут вперёд. Повинуясь их воле, спотыкаясь Мадина бежит с закрытыми глазами, не видя дороги. Кругом, гулками ударами в колокол бухают взрывы, и в этом набате тонут голоса истошно кричащих людей. Попав ногой на нечто мягкое и скользкое Мадина падает вниз, и долго катиться переваливаясь сбоку-на-бок, до тех пор пока сильно не бьётся головой обо что-то твёрдое. В ушах зашумело, слилось воедино: крики, взрывы, гудки телефонной трубки, превращаясь в единый гул. Который постепенно стал утихать и исчез, а ему на смену явилась зловещая, опасная своей абсолютностью тишина. С трудом шевеля ноющими от боли руками и ногами Мадина попыталась приподняться, опираясь на трясущиеся руки, но груз большой и увесистый давил ей на спину. Задыхаясь от пыли и вони жжёной резины она приоткрыла глаза и сквозь пелену дыма, хорошо стали различимы обгорелые останки её родного дома. Того самого, который она видела в зеркале свадебного автомобиля, где возле порога в последний раз проводили взглядами отец, мать и сёстры. Дышать стало невыносимо тяжело и из груди вместо выдоха вырвался тяжёлый стон, в носу защекотало с невероятной силой и спазм в горле окольцевал петлёй шею. Она закрыла лицо руками, вздрагивая всем телом как от ударов плетью по спине, и зашептала:

– Никто не приедет. Никого нет. Никого! Никого! Никого!

Увесистыми каплями из глаз брызнули и потекли по щекам горячие, едко-солёные слёзы. Не в силах сдержать их и буквально захлёбываясь ими, она всё продолжала повторять «Никого нет. Никто не приедет».

Оглушительным визгом, мерзко заскрежетали тормоза автомобиля, разрезая слух и заставляя вздрогнуть. Гудение мотора оборвалось и прорываясь сквозь некий вакуум, Мадина услышала, властный голос тётки Фатимы.

– пей чай, пей! пей, тебе говорят!

Этот громкий окрик, немного отвлек, отрезвил Мадину, возвращая из собственных мыслей в реальный мир. Вдохнув носом воздух, она уловила приятный аромат горячего, наполненного травами чая. Не открывая глаз, потянулась губами вперёд и ощутила гладкую поверхность края чашки. Горькая, терпкая жидкость, от которой слегка немеет кончик языка, наполнила сразу рот и проглатывая глоток за глотком, она распознала приятную влагу проникающую внутрь. Постепенно, спазм на горле стал ослабевать и слёзы стали подсыхать на щеках. Понемногу приподнимая веки, она узрела рядом с собой расплывающееся в добродушной улыбке лицо тётки, которая подлив в пиалу ещё чая, поднесла его Мадине и совсем другим, уже более ласковым тоном произнесла:

– Пей моя хорошая. Пей. Это тебя успокоит. Просто нашей девочке приснился плохой сон, да?

Мадина согласно кивнула, взяла в руки пиалу и осушила её до дна. Принимая опустошённый сосуд от своей подопечной, Фатима достала платок и вытирая следы слёз на щеках невесты, заявила:

– Нам не надо так растраиваться, ведь впереди встреча с Амиром. Наша девочка будет послушной и будет пить чай для того чтобы не плакать. Ведь так?

Едва сдерживая улыбку Мадина ещё раз кивнула головой и услышала как опять взревел мотор автомобиля. Потом взвизгнув буксующими колёсами на песчаной обочине и напомним тем самым резвого коня, машина скакнула и понеслась вперёд, туда, где возможно, уже ожидал свою невесту жених.

Рассматривая пейзаж за окном, Мадина ещё раз попыталась представить встречу с Амиром. Но теперь ей даже не удалось вообразить его лицо, когда они наконец-то увидят друг друга и скажут после долгой разлуки первые слова. После нескольких безуспешных попыток фантазирования на эту тему, невеста бросила бесполезное занятие и тупо уставилась, в окно наблюдая как маленькие дома становились большими, а невысокие двух-трёхэтажки подрастали с каждым километром всё выше и выше. Мадине это очень напоминало движение по равнине, с постепенным приближением к гористой местности.

Город скальной грядой вырастал на их пути, улицы из широких становились узкими плотно заполняясь различным автотранспортом, от чего их резвый, «железный конь» всё замедлял и замедлял свой бег. Мелькали старые с широкими карнизами дома, плохо сочетающаяся со стеклянными, сверкающими на солнце современными башнями. Автомобиль управляемый Тимуром свернул в сторону и петляя меж приземистых особняков с колоннами, вынырнул из узкого проёма переулка, выехав на просторную многолюдную площадь. Затем медленно двигаясь в плотном потоке, вдоль припаркованных у обочины машин, он наконец-то отыскал свободное пространство, среди своих автомобильных собратьев и протискиваясь в него, замер на месте.

– Всё, приехали, -оборачиваясь к пассажирам произнёс Тимур заглушая двигатель и добавил:

– Посидите немного в машине, я скоро вернусь, -после этих слов, он распахнул дверь и вышел.

Время тянулось поразительно медленно и даже чересчур тягуче, так если б его нарочно удерживала некая неведомая сила. Сквозь потёртое по дуге лобовое стекло хорошо просматривалась мостовая и невеста напряжённо вглядывалась в лица прохожих. Ей почему-то всё время казалось что вот-вот покажется из толпы знакомое лицо, но естественно это не происходило. Странно, но в эти мгновения у Мадины, впервые в жизни, возникло ощущение что за ней кто-то следит. Фатима, ёрзая толстым задом на бархатных чехлах сидения, опять достала термос с чаем и предложила Мадине попить, но получив довольно резкий по интонации отрицательный ответ, недовольно выдавила из себя:

– Не хочешь, ну и не надо, -засопев она убрала термос и демонстративно отворачиваясь, устала в противоположную сторону.

Почувствовав себя виноватой, Мадина тяжело вздохнув ткнула локтем в бок тётку и согласилась выпить ещё немного чая. Поблёскивая цилиндрическими боками термоса и сдерживая самодовольную улыбку, Фатима начала наливать в пиалу светло-коричневый напиток, но не успела наполнить сосуд и до половины, как у неё на коленях зазвонил мобильный телефон. Протягивая пиалу, невесте она поднесла трубку к уху, отвечая на звонок. Меж тем Мадина делая вид что пьёт не сводила глаз с тётки и стоило той только отвлечься, как она вылила чай себе под ноги, прямо на матерчатый коврик. И по детски радуясь собственной хитрости, вернула чашку обидчивой спутнице. Та, в свою очередь принимая опустошённую пиалу и вовсе не подозревая об обмане, а так больше для вида, заглядывая в лицо Мадине, сказала:

– Ты что это так веселишься? Излишняя весёлость не красит невесту.

Потупив глаза вниз и убирая улыбку с лица, Мадина тихо обронила:

– Это я представила, нашу встречу с Амиром.

– А-а-а. Я тебя понимаю. Но всё-таки будь немного посдержанней. Ты ведь знаешь наши обычаи, -несколько протяжно ответила Фатима и после короткого молчания, сообщила:

– Звонил Тимур, нас уже ждут. Так что пойдём вдвоём, а он позже подойдёт.

– А как же машина, ключи ведь у Тимура?: Полюбопытствовала Мадина, открывая дверцу авто. Охая и пыхтя показалось из металлической коробки грузное туловище Фатимы, и её несколько гортанный голос, прохрипел:

– Да кому она нужна, эта старая колымага.

Неожиданно в голову Мадине пришла мысль, что это могло бы адресоваться не только автомобилю, но и самой тётке. Непроизвольно улыбаясь этой мысли, она спешно прикрыла ладонью рот, дабы не раздражать никого больше излишней весёлостью.

Внезапно внизу живота невесты заурчало, заклокотало и наклоняясь к уху своей провожатой, девушка смущённо прошептала:

– Мне в туалет надо. Наверное чая слишком много выпила.

Ступив, на асфальт и захлопнув за собой дверь, Фатима недоверчиво взглянула на спутницу и поинтересовалась:

– Ну-у, ты хоть немного потерпеть то можешь?

На что та повела в сторону бровью и утвердительно кивнув, ответила:

– Потерпеть, конечно могу...

На самом деле ей было неловко признаться, что уже давно терпит, но из-за присутствия рядом Тимура, она не решалась сказать об этом. Правда периодически, как-то само-собой, желание опустошить мочевой пузырь проходило и на короткое время Мадина забывала о проблеме. Вот только сейчас, будучи в этом многолюдном и шумном месте, где она не знает есть ли поблизости вообще какие-либо туалеты, ей стало совсем не по себе. И вероятно от этого, желание сходить что называется по нужде, проявилось чересчур сильно. Превозмогая своё хотение, она проклиная себя за нерешительность, согласилась с Фатимой немного потерпеть и покусывая губы, пошла следом за прихрамывающей тёткой. В тайне надеясь что позывы, как это уже было не раз, прекратятся сами собой.

Прошагав примерно метров пятьдесят по многолюдному тротуару, они свернули в уютный, тихий дворик и миновав его, оказались в сквере. Где посреди круга образованного дорожками, находился бьющий несколькими, тонкими струями фонтан. Не дойдя до фонтана, Фатима заметила пустую скамейку и коротко бросив спутнице:

– Садись здесь и жди, -засеменила далее по боковой аллее, обсаженной низкорослым, подстриженным кустарником.

Мадина присела на край скамейки и ощущая, что тяжесть внизу живота малость ослабла, начала рассматривать вспененные струи. Возможно от близости льющейся воды, а быть может

по какой другой причине, опять вернулось непреодолимое желание посетить дамскую комнату. Вздыхая и сцепив зубы, она прикрыла глаза и что бы хоть как-то отвлечься, в очередной раз попыталась представить себе встречу с любимым. Но вместо фантазий, явились очередные воспоминания и они так же были связаны с водой.

Она припомнила, как совсем незадолго до свадьбы, сидела рядом с Амиром на их любимом месте, там у пруда, где они когда-то в детстве познакомились. Эта встреча была случайной, так как жениху и невесте не полагалось видеться до свадьбы. Но вероятно желание находиться рядом, настолько сильно присутствовало у обоих, что они нисколько не сговариваясь, явились на излюбленное место практически одновременно. И теперь, ранним утром, когда солнце только начало бронзоветь на небосклоне, а трава покрытая росой, издавала особый пряный запах, они сидели на берегу чувствуя через одежду соприкосновение рук и молча взирали на водную гладь. Неподальку от Амира лежал короткоствольный автомат и какой-то чёрный, пластмассовый ящик.

– Что это за ящик? —спросила Мадина и перевела взгляд на резко повзрослевшее за последний год, покрытое курчавой бородкой, лицо Амира.

– Да-а, -махнул он рукой: -Это телефон спутниковый. Привязали меня к нему, вот и таскаю эту связь при себе. Из-за него и на боевые задания не берут. Вечно нахожусь при штабе, рядом с командирами.

– Значит ты ещё не убивал никого, -скорее утвердительно, нежели вопрошая произнесла Мадина.

– Какое там, -пробурчал недовольно Амир:– Я даже и боя то ни одного толком не видел. Так слышал вдалеке перестрелку пару раз и всё.

– А смог бы? -полюбопытствовала она, заглядывая в лицо любимого.

– Что смог бы? – вопросом на вопрос отозвался он.

– Ну, убить человека, -пояснила Мадина наблюдая как выражение лица жениха сразу изменилось, слегка вытянулось и замерло в оцепенении.

Амир смотрел на узоры, что чертили на воде водомерки и через какое-то время пожав плечами молвил:

– Не знаю, я много думал об этом. И чем больше думаю тем страшнее становится, переступить эту черту.

На некоторое время воцарилась тишина и она повернув голову, снова обратила свой взор к воде, незаметно лишь краем глаза поглядывая в сторону Амира. Вдруг он встрепенулся, раздвинул губы в улыбке и точно приходя в себя от непродолжительного сна, бодро предложил:

– А давай я тебе покажу, как пользоваться этим телефоном.

– Может не надо, -еле слышно шепнула она, искоса и с недоверием, поглядывая на чёрную коробку.

– Да ладно. Тут нет ничего сложного. Вот смотри, -и он раскрыв пластиковый кофр, стал демонстрировать огромную трубку с короткой толстой антенной. Затем щёлкая кнопками начал включать аппарат и даже для вида стал набирать чей-то номер. Он постоянно что-то пояснял Мадине, вероятно как пользоваться данным телефоном, но она ничего не слышала, да и не хотела слышать. Вместо этого она думала только об одном: «Как хорошо что Амир привязан к этой чёрной штуке и возможно ему не придётся никого убивать. Ведь никто не знает, как наши дела отражаются на собственной жизни и на судьбе близких нам людей. Возможно что всевидящий и всезнающий Аллах, специально оберегает её будущего мужа от зла, при помощи этой самой, чёрной трубки».

– Вы меня не слышите что ли? А может у вас что-то со слухом? Ну тогда извините. Тогда, наверное, я зря заговорил с вами, -долетел до ушей, далёкий мужской голос и, вздрогнув, Мадина вернулась в реальность, где она была в парке, на лавочке, возле фонтана.

Она повернулась в ту сторону, от куда слышался голос и заметила сидящего на самом конце лавки юношу. Он уставился на неё через округлые очки и шевеля пухлыми губами продолжал очень быстро говорить:

– Ну наконец-то. А я уж подумал что вы меня совсем не слышите. Меня зовут Игорь, я ассистент режиссёра. Понимаете. Мы тут неподалёку кино снимаем. Очень интересный и жизненный фильм. Так вот он про этих, как их там... М-м-м... забыл. Ах, да, про террористов разных, про шахидов. Ну вы, надеюсь, понимаете о чём я говорю. И нам нужна на одну роль девушка, такая вот как вы. Нет, не на главную, там уже все набраны, полный так сказать комплект. А вот, на роль подруги главной героини, очень бы подошли. И типажом, и прочим... Даже костюм такой, близкий к настоящему. Ну так как, согласны?

Всматриваясь в лицо улыбочивого и чрезмерно весёлого молодого человека, Мадина непроизвольно заражалась излучаемым от него ощущением счастья. Удивительно, но ей даже захотелось улыбнуться, так же широко и открыто, подражая юноше. С трудом сдерживая себя и не забывая что невеста должна быть спокойна в любых проявлениях чувств, она отвернулась от назойливого соседа, тупо всматриваясь в брызги фонтана, отчего опять предательски захотелось в туалет. Ясно понимая, нежелание незнакомки с ним общаться, Игорь поднялся со скамейки и, одевая на голову кепку-бейсболку, грустно сказал:

– Ну что ж, не хотите, как хотите. Но если вдруг передумаете, наша съёмочная группа тут рядом в соседнем дворе. Мы там ещё часа два будем. Так что подходите, я вас режиссёру представлю.

Молодой человек сделал пару шагов по направлению к ответвлению в виде выложенной плиткой тропинки, но хлопнув себя рукой по нагрудному карману вернулся. Ни слова не говоря он вынул из кармана прямоугольную карточку, сунул её в руку Мадины и молча удалился прочь. Наблюдая его растворяемую за кустами спину, Мадина покосилась на визитку и осторожно положила рядом с собой на скамейку.

У неё в памяти было хорошо запечатлено то чувство, с которым она будучи в доме жениха, стояла перед гостями с невозмутимым лицом, выслушивая согласно обычаю, всякие шутки и колкие замечания. С трудом ей удалось тогда выдержать данное испытание и единственное, что помогало оставаться в рамках дозволенного, это строгий наказ матери, не показывать перед гостями чувств, охраняя тем самым честь рода.

– Что он хотел? – раздался позади там где росли кусты, знакомый тембр Тимура. Оборачиваясь невеста пожала плечами и показав взглядом на визитку ответила:

– В кино приглашал. Только, мне кажется, он что-то другое хотел.

– Что же? -присаживаясь рядом с Мадиной и беря в руки визитку, не унимался Тимур.

– Не знаю, говорил что рядом здесь идут киносъёмки. Может придумал, чтобы просто познакомиться, – предположила она, замечая странный, полиэтиленовый пакет в руках Тимура.

– Видел я эти их киносъёмки. Нет, не врёт он. Тут они, в соседнем дворе, – скомкав карточку и выбросив, резюмировал Тимур. Затем протянул пакет Мадине и сухо приказал:

– Бери и иди со мной. Этот пакет ты отдашь Амиру, при вашей встрече.

– Как кувшин? -выдохнула радостно Мадина.

– Какой ещё кувшин? -удивлённо поднял брови собеседник.

– Ну тот, который во время свадьбы друг жениха и невеста вместе несут от источника, -забирая в руки тяжёлую ношу и поднимаясь со скамейки, стала пояснять Мадина.

– Да, да... как кувшин... ты права, -процедил сквозь зубы Тимур и, как то странно по волчьему сутулясь, и озираясь по сторонам, пошёл вперёд.

Перебарывая собственное желание сходить хоть куданибудь по нужде, невеста собрав всю свою волю промолчала, решив ещё немного потерпеть.

Постепенно ускоряя шаг и довольно часто поглядывая на наручные часы Тимур двигаясь впереди пересёк сквер, повернул налево и оказался в соседнем дворе. Быстро перебирая ногами, за ним следовала Мадина, мысленно с мольбой обращаясь к всевышнему. Она умоляла, послать терпения и без позора выйти из очередного испытания. Внизу живота всё ныло и дико ломило поясницу, да к тому же тяжёлый, целлофановый пакет тянул к земле, только ухудшая общее самочувствие. Пытаясь представить его кувшином, а толпу пешеходов сопровождающими её к источнику людьми, Мадина взяла сумку под низ и несла прижав к груди. Белый, тополиный пух взметаемый вверх голубиными крыльями, кружился редким снегопадом на уровне лица, забиваясь вместе с воздухом в ноздри.

Пересекая соседний двор, они едва не натолкнулись на группу людей, суетливо снующих между длинноногими штативами с закреплёнными на них, лампами. Сбоку от них, прямо на асфальте лежали смешные, маленькие рельсы, поверх которых стояла почти игрушечная тележка, где в кресле восседал седовласый старик, вращая линзу кинокамеры. Старикан громким и зычным голосом командовал людьми с лампами, а когда они делали как он им приказал, сизнова заглядывал в круглое резиновое окошко, прикреплённое сбоку. Позади толкалось ещё несколько человек, среди которых Мадина узнала своего недавнего знакомого, в кепке-бейсболке. Он стоял рядом с девушкой, в руке которой была чёрная штукавина, по форме похожая на маленькую ученическую доску и что-то пояснял, интенсивно размахивая руками. В это мгновение Мадина споткнулась и, сделав пару быстрых шагов вперёд, наклоняясь замерла на месте, балансируя из стороны в сторону. Кинув взгляд назад, Тимур с гримасой страха на лице, одним прыжком оказался подле и буквально полуобняв, не дал ей упасть. Выпрямляясь, Мадина с укоризной взглянула на Тимура и поинтересовалась:

– Что с тобой? Чего ты так испугался?

– Да так, -пожимая плечами и выпуская из рук талию невесты, выдавил из себя тяжело дышащий Тимур. Он неприятно скривил лицо и оправдываясь за свой испуг, пояснил:

– Просто в пакете очень ценная и хрупкая вещь. Поэтому упав, можно её разбить.. и косясь на киносъёмочную группу, добавил сквозь зубы:

– Смотри, вот они, киношники. Фильм какой-то снимают.

– Вижу, из-за них я едва не упала, -с раздражительными нотами в голосе ответила Мадина, глядя на Игоря, который к тому времени тоже заметил их и приветствуя кивнул головой.

– Ну ты как? Можешь идти? -спросил Тимур, заслонив собой вид в сторону киношников.

– Да, могу, -отозвалась Мадина, наблюдая что Тимур в который раз желая сверить время смотрит на наручные часы. Осторожно подтолкнув под локоть невесту, он зашагал в прежнем направлении и начиная двигаясь в след за провожатым, Мадина бросила взгляд через плечо. Туда, где располагалась киносъёмочная группа и где занятый своими делами Игорь, уже не смотрел на них. В данный момент взоры всех кто был в той толпе, приковывала красивая девушка, с бледным лицом, одетая в чёрное, длинное платье и чёрный платок плотно закрывающий шею. На поясе у неё красовалась связка динамита и ещё какой-то странный предмет, нечто вроде огромной телефонной трубки с прикрученными к ней часами. Многие суетились возле этой девушки, поправляя её нелепый наряд и Мадина, усмехаясь уголком рта, подумала что это, наверное, и есть та самая главная героиня-террористка.

«Какие же они все странные эти люди; киношники, писатели, поэты. Всё у них какое-то необычное и преувеличенное. А в жизни-то, многое гораздо проще и не такое преувеличено выпуклое.» С этими мыслями Мадина прошла в арку, миновав которую они с Тимуром очутились на тротуаре, проложенном вдоль широкой и многолюдной улицы. Преодолев метров сто или стопятьдесят в толпе пешеходов, оба подошли к парапету, рядом с которым находились ступеньки в подземный переход. Глянув на часы, Тимур прищурясь осмотрелся и обратился к Мадине:

– Хорошо, теперь можно не спешить. Спускайся вниз одна, без меня. Когда окажешься на середине перехода, увидишь ответвление справа. Иди туда. Впереди будут стеклянные двери, ты должна войти в них. Входи только туда, куда идут все. Там где есть надпись красным «Нет входа» и от куда выходят- не иди. Пройдёшь, стой и жди, к тебе подойдут. Тому кто подойдёт вручишь этот вот пакет. Да, и будь с ним поосторожнее, смотри не урони.

– А кто подойдёт? Разве это будет не Амир? Ведь мне же обещали... -залепетала было она, но Тимур грубо перебил: -Да, да, это будет Амир. Я совсем позабыл. Понимаешь, это традиция такая местная, предсвадебная. У нас такого нет, а у них тут в городе всё так устроено. Жених встречает невесту внизу под землёй. Надо чтить традиции других народов, ведь мы здесь в гостях. Поняла?

Мадина хотела было возразить и возможно задать ещё какой-либо вопрос, но новый приступ уколов внизу живота дал о себе знать и от неожиданности лицо исказилось гримасой страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.